

ЖАННА ВИКТОРОВНА МАРФИНА

кандидат филологических наук, доцент, и. о. ректора
Луганский государственный педагогический университет
(Луганск, Луганская Народная Республика)
lib_inpu@ukr.net

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МОТИВАЦИЯ НАЗВАНИЙ РОДСТВА В УКРАИНСКОМ НАРОДНО-ПЕСЕННОМ СУБПРОСТРАНСТВЕ

Исследование выполнено в контексте актуального лингвокультурологического направления современного языкознания. Впервые в восточнославянской лингвистике представлена модель концептуального анализа текстовых функций названий родства, мотивированных их лексико-грамматическими связями в украинском социально-бытовом песенном фольклоре. Соответственно лингвокультурологическое наполнение концептуальных цепочек с опорными фольклорами – названиями родства – смоделировано с учетом обусловленных конкретными социально-историческими обстоятельствами, то есть бурлакование, чумакование, наемный труд, казачество и под., сценариями поведения человека как представителя рода. Основу методики анализа составило построение концептуальных цепочек, в которых ведущим является название родства. Между ними благодаря означаемым словам (существительные, прилагательные, глаголы, составляющие высказывания в роли предикатов) установлены стойкие семантические отношения, выражающие в результате их раскодирования и ценностно-аксиологическое наполнение высказывания в целом. Означаемые слова в основном и определили концептуальную мотивацию названий родства в украинских народно-песенных текстах. В результате проведенного исследования отмечено, что концептуализация общественной мотивации отношений между членами нуклеарной семьи отражена в вербализаторах понятий «чужой – родной», «смерть – жизнь», «воля – неволя», «плач, слезы», «память», «прощанье – встреча». При этом отмечена роль предметных, растительных, орнитологических слов-символов. Сделан вывод о том, что названия родства, функционируя в народно-песенной календарно-обрядовой и семейно-обрядовой лирике, приобретают качество фольклором, что представляется их наиболее характерной особенностью. Именно бытовая лингвокультура является средой сохранения и продолжения, воспроизведения тех или иных обрядовых действий, ритуалов, в которых актуализируются вторичные номинации-оценки названий родства, а также названия действий и взаимодействий членов семьи в ритуально-обрядовых текстах как презентантах высокого стиля в народной культуре.

Ключевые слова: названия родства, фольклорема, слово-символ, народно-песенное субпространство, концептуальная цепочка, концептуальный мотив

Для ц и т и р о в а н и я : Марфина Ж. В. Концептуальная мотивация названий родства в украинском народно-песенном субпространстве // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 7. С. 36–44. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.537

ВВЕДЕНИЕ

Важным направлением современных лингвистических исследований является изучение языковых явлений, отражающих традиционную народную культуру. В связи с этим актуальным становится обращение к фольклорным контекстам, которые широко демонстрируют традиции, уклад жизни, морально-этические установки и устоявшиеся, отшлифованные временем нормы взаимоотношений определенного этноса, коммуникативные каноны, то есть национальную лингвокультуру. В свое время Д. С. Лихачев указывал на прямую зависимость содержательного богатства концептосферы национального языка от бо-

гатства фольклора (равно как и от литературы, науки, изобразительного искусства) [5]. Многие исследователи отмечали, что народная песня занимает особое место в фольклоре восточных славян. С точки зрения лингвистов второй половины XX столетия, текст народной песни, отражающий духовные и эстетические ориентиры этноса, можно рассматривать как языковой эстетический знак национальной культуры, как основу народно-поэтической составляющей современного литературного языка [6], [11], [12], [14].

Образно-эстетический и ценностно-аксиологический компоненты семантики неразрывны и хранятся в «контейнерах» внутренних форм

лексем, представляющих народно-песенный словарь определенной культуры. Мера глубины, на которую может проникнуть лингвист в познании различных культурных коннотаций, определяет широту концептуального наполнения определенного «контейнера», его объем. Сканировать временно-пространственную динамику в семантике тех или иных знаков культуры мы не можем без опоры на определенные контексты, которые воспринимаем как некие субпространства единого функционального континуума национальной культуры. Среди некоторого множества терминов для обозначения единиц народно-песенного словаря отмечаем лингвокультурологический концепт, поскольку считаем, что апелляция именно к «концепту» позволяет комплексно рассматривать содержательное наполнение текстовых единиц, песенного фольклора в том числе. Вне всякого сомнения, народные песни восточнославянских народов – это огромные пласты этнокультур. Соответствующий лексикон отражает социально-культурную мотивацию оценки человека, в частности человека семейного, человека как члена рода. Таким образом, лингвокультурологический концепт «род / родство» для носителей и русского, и украинского языков является одним из наиболее значимых, универсальных, ключевых, ценностных для славянской культуры, на что неоднократно указывали в своих исследованиях лингвисты [1], [2], [4], [7], [8], [9], [15], [16]. В народно-песенной русской и украинской культуре общественная мотивация отношений членов семьи наиболее выражена в текстах, которые отражают историю этих народов начиная со времен становления Древнерусского государства (XI век) и до второй половины XIX века. Каждый раз, согласно текстовым сюжетным линиям, члены рода вплетаются в определенные стереотипные сценарии их взаимодействия. Последние коррелируют с социально-историческими обстоятельствами бурлачества, чумачества, казачества, крепостной зависимости и пр. Благодаря стабильности текстообразующих, понятийных и ценностно-аксиологических функций названия родства (далее – НР) приобрели статус фольклором и одновременно взяли на себя жанрово-стилевые особенности семантики, концептуального воплощения определенных социально-бытовых сценариев поведения (концептуальных мотивов) представителей того или иного народа в историческом прошлом. Эти особенности семантики наиболее конкретно отражают так называемые «концептуальные цепочки» – модели текстовых

связей НР, в которых сохранена архетипическая проекция тех или иных сценариев поведения, отношений отдаленных общественно-историческими обстоятельствами родственников.

Цель нашего исследования – установление ведущих концептуальных мотивов, связанных с текстовыми функциями НР в украинском народно-песенном субпространстве; определение оппозиционных концептов как направлений вербализации концептуальной общественной мотивации отношений между членами украинской нуклеарной семьи; моделирование на основе предыдущих когнитивных операций концептуальных цепочек, отражающих образно-эстетическое и ценностно-аксиологическое наполнение НР как субконцептов лингвокультурного концепта «род / родство».

Материалом исследования стали тексты украинских народных социально-бытовых песен, выбранные из сборников фольклора.

МЕТОДЫ АНАЛИЗА

Основной метод анализа народно-песенных контекстов – моделирование концептуальных цепочек [13: 50], в которых может быть ведущим или одно (в нашем случае – НР), или два (концепты одной либо отличных лексико-семантических парадигм) понятия (они выделены в представленных моделях полужирным начертанием, что указывает на их основную роль в типологическом народно-поэтическом микроконтексте, на основе которого и составляется семантическая модель, на их функцию опорного слова, определяющего формирование высказывания). Между ними, благодаря означаемым словам (прилагательные, глаголы, составляющие высказывания в роли предикатов), установлены стойкие семантические отношения, выражающие в результате раскодирования их внутренней формы и ценностно-аксиологическое наполнение высказывания в целом. Дополнительные знаки (\leftrightarrow (корреляция вербализаторов концептов), \leftarrow , \rightarrow (следствие, результат взаимодействия сем, семем), $:$ (сопоставление культурных концептов), $+$ (наложение сем, семем), $=$ (отождествление семантики вербализаторов концептов), \approx (семантическое уподобление)) указывают направления семантического взаимодействия составляющих высказывания. Кроме того, использован ряд скобок: фигурные ($\{ \}$) – для обозначения отдельной модели концептуальной цепочки; квадратные ($[]$) – для выделений структурных элементов концептуальной цепочки; косая черта ($/$) – для отделения синонимических, гиперо-гипонимических составляющих

или лексико-тематических вариантов в пределах одного из компонентов концептуальной цепочки. Заглавными буквами отмечены словесно-образные, ситуативные мотивы, воплощенные в анализируемом материале.

С понятием концептуальной мотивации связаны ключевые темы, микротемы, выделенные в украинском народно-песенном субпространстве концепта «род / родство». Согласно им и структурирован подготовленный для анализа материал. Реализация того или иного мотива отражена в семантических связях компонентов лексико-тематической парадигмы НР (вербализаторов макроконцептов «род», «семья», микроконцептов «отец» («отец» – «мать»), «мать» («мать» – «сын», «мать» – «дочь»), «сестра», «дети», «жена» с учетом реализации в текстах их основного значения) с вербализаторами микроконцепта «сын как представитель какой-либо социальной группы» («казак», «чумак», «бурлак»).

Выстроенные концептуальные цепочки являются ситуативными моделями, отражающими определенные концептуальные мотивации, которые обозначены конкретными понятиями, обобщающими смысл той или иной концептуальной цепочки.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Направление концептуальной мотивации НР восходит к макроконцепту «**род**». Его вербализаторами в украинском народно-песенном субпространстве являются фольклоремы *рід* (рус. *род*), *родина* (рус. *семья*), *родинька* (рус. *семейка*, *семейство*). Кроме обобщающих НР, в народных песнях активны микроконцепты-фольклоремы: *отець-мати* (рус. отец с матерью), *отець*, *батько*, *батенько* (рус. *отец*, *батьюшка*), *матір*, *матуся*, *матінка*, *нень*, *ненька* (рус. *мать*, *мачочка*, *мама*), *жона*, *дружинька* (рус. *жена*, *женушка*), *брат*, *братик* (рус. *брат*, *братик*), *сестра*, *сестриця* (рус. *сестра*, *сестренка*), *діти* (рус. *дети*), *син*, *синок* (рус. *сын*, *сынок*), *доня* (рус. *дочка*).

Показательной является концептуальная мотивация ОДИНОЧЕСТВО. И в бурлацких, и в крепостнических текстах, в песнях наемных работников лирический герой (представитель рода) признается в своем одиночестве, сиротских чувствах, которые переполняют его в чужой стороне. В основном эти переживания он обозначает через утверждение отрицания общности с далеким родом, семьей – *нема роду; нема родини, вірної дружини*:

Сидить хлопець у неволі, / Сорочку латає, / Ніхто ж його не спитає, / Бо роду немає. / «...Соловейку маленький, / В тебе голос тоненький! / Защебечи ти мені, / Бо я в чужій стороні: / Нема роду, родини, / Ні вірної дружини»¹.

Ассоциативно-образное содержание представленных контекстов позволяет выделить следующие концептуальные цепочки: {[крепостной, бурлак, наемный работник (работница)] ↔ [(нет) **род / семья**] → [тоска, горе]}, {[крепостной, бурлак, солдат, наемный работник (работница)] ↔ [(нет) **род / семья**] → [чужой]}.

В подобных контекстах актуализированы орнитосимволы – *орел*, *лебедь*, *соловей* как ассоциаты духовной связи с родом, семьей, тоски по семье, искренности чувств [10: 446]:

Соловейко маленький, / В тебе голос тоненький! / Защебечи ти мені, / Бо я в чужій стороні. / Бо я в чужій стороні, / – Нема роду при мені. / Я одбилася од роду, / Як той камінь у воду!; Гиля, гиля, лебедята, / На тихую воду, / Перекажіть, лебедята, / Аж до мого роду!²

В связи с таким семантическим наполнением микроконтекстов смоделированные концептуальные цепочки могут быть модифицированы: {[крепостной, бурлак, наемный работник (работница)] → [**соловей**, **лебедь**, **орел**] ↔ [(нет) **род / семья**] → [тоска, горе]}. Ср. как слово-символ зозуля олицетворяет тоску матери, сестры о сыне-брате, ушедшем на воинскую или другую тяжелую службу:

Да лежить син неділю, да лежить син другу; / Да на третю неділю вилетіли три зозулі. / Да що й одна біленька – то й то моя ненька. / Да й а друга біліша – то сестра рідніша (Закувала зозуленька...).

Украинские народно-песенные контексты транслируют архетип «сиротство» как ‘беззащитность’, ‘одиночество’ – чувства, которые испытывает подневольный труженик ([крепостной, бурлак, наемный работник] ↔ [**сирота** = (нет) **род / семья**] → [беззащитность, одиночество, тоска, горе]):

Розлилися води / На чотири броди, / Виряджала мати дочку / На чотири годи; Розлилися ріки і бистрії води: / «Не очідай мене, ненько моя, і в чотири годи!» / Розлилися води і бистрії ріки, / Помер отец і матуся – сирота навіки! (Закувала зозуленька...).

Таким образом, в украинской народной песне сирота – это подневольный человек без рода, лишенный опеки, непосредственной защиты близких.

В народно-песенном субпространстве анализируемой тематики актуализирована микроконцептуальная корреляция «отец – мать / батько –

матір». Стереотипные образы *старого, сивого, родного батька* и *старой, сивой, родной матери* – это НР-фольклоремы, лингвокультурные коды, на которые опирается лирический герой в своей памяти, в размышлениях о доме, семье, родителей, их судьбах:

«Здоров, здоров, сивий орле, / Що там в нас чувати? / Чи ще живий батько сивий, / Старесенька мати?» / «А вже давно старесеньку / В садку поховали, / А твій батько сивесенький / В корчмі п'єгуляє»; Батько рідний, мати рідна, / Де ж ви долю заподіли? / Да гей, гей, доле моя! / Деся ти водою запливла! (Українські народні пісні...)

На основании таких контекстов можно выделить концептуальную цепочку {крепостной, бурлак, наемный работник} ↔ [(нет) род / семья / судьба] → [тоска, горе, слезы].

Мотив ПРИПОМИНАНИЯ (*споминає, згадай*), ПАМЯТИ важен как одно из связующих звеньев. Это направление концептуальной мотивации помогает, с одной стороны, удерживать в народном сознании идеалему отношений в семье, традиций рода:

«Згадай мене, ненько, / В суботу пізенько, / Як дівчата помиються / Її плетуть дрібенько. / Згадай мене, ненько, / В неділеньку вранці, / А я тебе ізгадаю / В сороченці-дранці (Закувала зозуленька...)

С другой стороны, подчеркнуть беспомощность существования лирического героя, его бездольность (ср. выражения с актуализированной мифемой Доля, Щастя-доля):

Білий сніжок випадає; / Бурлак ноги підгинає, / Отця ї неньку споминає: / «Мати ж моя старенька! / Нащо мене породила, / На біленький світ пустила, / Щастя-долі не вділила!» (Українські народні пісні...); Гей, гей, дробен дощик покрапляє, / Бурлак ніжки підношає, / Гей, гей, свою матір споминає: / «Мати ж моя чорнобрива, / Гей, гей, нащо-с мене породила?» (Закувала зозуленька...)

Соответственно лингвокультурологическое наполнение концептуальной цепочки таких контекстов может быть смоделировано так: {крепостной, бурлак, наемный работник} ↔ [память] : [род – отец, мать] : [судьба] → [тоска, печаль, слезы]. Согласно народно-песенному концептуальному наполнению бинарная фольклорема отец-мать вмещает в своей внутренней форме семантику дарителя Судьбы:

Деся у тебе, козаченьку, / Отець-мати жива, / А що тобі, молодому, Фортуна служила! / Деся у тебе, козаченьку, / Є рідная мати, / Що як станеш на камені, / То й слідочки знати! (Закувала зозуленька...)

Актуализация образов родни – сестры, детей, жены, ожидающих и страдающих от тягот жизни, сопровождается словесными про-

странственными образами *луга, поля, долины, гая* (ассоциаты печали, горя, хлопот [3: 366], [12: 203]). В соответствующем лингвокультурологическом наполнении концептуальной цепочки ключевую роль вновь играют идеалемы «память» (*згадаю*), «встреча» (*зустріну*), «разговор» (*питає*) и эмоционально-оценочные маркеры:

Маю жінку, маю діти, а я їх не бачу; / Як згадаю про їх долю, та й гірко заплачу!; Ой піду я лугом, / Лугом-долиною, / А чи не зустрінусь / З родом, з родиною. / Ой там моя сестра / Пшениченьку жала, / Сказав я їй «здраслуй», / «Здоров» не сказала; Ой у гаю-гаю / Там вітру немає, / Тільки брат сестриці / Про життя питає... (Закувала зозуленька...)

Антропоморфизированная природная стихия (*берег* как символ погруженного в печаль человека [10: 336], *ветер* как способ донести весть к родному дому и как источник плохих вестей из дома; *воды рек* как связующее звено с родным краем) отражает мифологизированное восприятие связей «человек – природа», особенно в моменты ощущения безысходности, одиночества, которые испытывает лирический герой:

Крутий берег, крутий, річенька бистренька; / Далеко від мене рідна сторонька. / Ой повій же, вітре, з рідної країни, / Принеси вістоньку любій дружини! / Ой повій же, вітре, з моїх стороньки / Та скажи, що роблять дрібні дітоньки!.. (Закувала зозуленька...)

Соответственно контекстной семантике и модели концептуальной цепочки: {крепостной, бурлак, наемный работник, солдат} ↔ [берег / ветер / вода] ↔ [род – жена, дети] ↔ [тоска, печаль, слезы].

Рекрутско-солдатский цикл украинской народно-песенной субкультуры характеризуется актуализацией не только НР-фольклорем, но и орнито- и растительной символики, которая опосредует духовную связь родителей и детей. В частности, речь идет о сыновьях, которых родители должны отдать в войско: *зозуля* – ‘мать’, ‘печаль, горе’; *вороной конь* – ‘верный друг’, ‘опора’; *орел* – ‘символ имперской власти’; *дуб, дубрава* – ‘опора’, ‘сила’, ‘жизнь’; *калина* – ‘краса’, ‘молодость’; *барвинок* – ‘жизнь’; *сад* – ‘отцовский дом; отец-мать’. В целом из смыслового наполнения анализируемых текстов можно установить ведущую роль нескольких мотивов:

МАТЬ ВЕДЕТ / БЛАГОСЛОВЛЯЕТ СЫНА
НА СЛУЖБУ – {мать} ← [проводы] → [сын-солдат]:

Ой зродила мати сина – / У солдати нарекла, / Гей, та взяла ж його за рученьку, / До прийому одвела; Виряджала мати в військо свого рідного сина (Українські народні пісні...);

СЫН ПРОЩАЕТСЯ С СЕМЬЕЙ – {[отец-мать, сестра, брат, жена, дети] ← [прощание, слезы] → [сын-солдат]}:

За обозами солдатів женуть, / За солдатами матусі ідуть! / Вони плачуть, убиваються... / Що брат з сестрою прощаються!.. / Прощай, отець і матуся стара, / І ти, жона молодьохенькая! / Прощай, отець і сестриця родна, / І ви, брати все родньохенькі! (Українські народні пісні...);

СЕМЬЯ ПЛАЧЕТ, ПРОЩАЯСЬ С СЫНОМ – {[отец-мать; жена, дети] ← [печаль, слезы] → [сын-солдат]}:

Ой у лісі на дубочку зозуля кувала, / Там у саду у вишневі мати заплакала. / Не така вона заплакала, як заговорила, / Виправляла на війноньку рідненького сина (Закувала зозуленька...).

Орнитосимволика характерна і для народно-песенних текстів о крепостничестве: дети-соколы отчуждены орлом-невольником для службы господину ({[отец-мать] → [печаль, слезы] → [дети-крепостные]}):

А на третє літо сокіл прилітає, / Сокіл прилітає і орла питає: / «Ой брате, мій брате, сизокрилий орле, / Де ж подівав ти всі розкоші мої, / Де ж подівав ти мої малі діти?» (Закувала зозуленька...).

Традиційно маркером оберега в українському народно-песенному субпространстві виступає біленька сорочка, котра в ієрархії значимих складових солдата, бурлака, чумака перебуває в одному ряду з отцом-матерью, сестрой, то єсть з образами берегів, захитників, опори (концептуальна цєпочка {[мать] → /защита/ → [сорочка] → /защита/ → [сын]}):

Чому в тебе, бурлаченку, сорочка не біла? / «Якби я мав сестру рідну та нєньку старєньку, / То дала б мені щонєділі сорочку біленьку»; «Чому в тебе, чумачєньку, сорочка не біла?» / «Не випєре сєстра моя, не випєре мати; / А далєко од дівчини, щоб сорочку прати» (Українські народні пісні...)

Верный друг сына-солдата – конь, он же несет семье весть о трагической судьбе сына, умершего или погибшего в рекрутах. Традиционным символом смерти в лирических контекстах является и ворон [3: 324], [12: 316]:

«Не стій, коню, надо мною, / Бо ти видиш біду мою. / Іди, коню, дорогою / До матінки з новиною» (Закувала зозуленька...). «Коню ж ти мій воронєнький, / Де мій синок молодєнький?» / «Ой цит, мати, не жири сі, / Вжє твій синок ожєнив сі. / Вжєви за жінку мураву, / Під головоньку купину, / А очу накрив хустинов»; Червона калина / Біленько зацвіла; / Породила бідна вдова / Жовнярика-сина (...) / Крячє ворон, крячє, / Мату-сєнька плачє: / Поховали її сина в полі край дорожки (Українські народні пісні...).

Определенные особенности проявляются в концептуальной мотивации НР в песнях, связанных с таким общественно-историческим феноменом, как чумакование. Ср. ряд таких мотивов:

ПАМЯТЬ: память и уважение – {[отец-мать] ← [память, уважение] → [чумақ]}:

(Ой як став жє той чумачєнько у дорозі помирати, / Ой і став жє він свого товариша вірнєнько прохати: / «(...) Ой як будєтє, вірнє товариство, на Подолі становитись, / То не забувайтє, вірнє товариство, отцю й нєньці поклонитись!» (Закувала зозуленька...));

память и забытье – {[отец-мать] ← [память, забытье] → [чумақ]}:

(Росла, рослазелєная трава, стала посихати; / Ждала, ждала мати сина, стала забувати (Закувала зозуленька...));

память и смерть – {[мать ‘зозуля’; батько, отець, сєстри, брати, рід] ← [память, смерть, слєзы] → [сын-чумақ]}:

(Прилетіла зозуленька та й сказала: «Ку-ку! / Подай, сину, подай, орле, хоч правую руку!» / «Ой рад би я, моя мати, обидві подати, / Та налягла сира земля – не можна підняти!» (Українські народні пісні...));

ЗАБОТА: забота – {[мать] ← [забота] → [сын-чумақ]}:

(Ой мати сина спородила / І вірнєнько кохала, / Вона ж його в дороженку / Сильно не пускала (Закувала зозуленька...));

ОТЧУЖДЕНИЕ: забытье, проклены – {[ДОМ: отец, мать, жена, дети] ← [проклены] → [ЧУЖАЯ СТОРОНА: сын-чумақ]}:

(Гей, дома жінка молодая, / Ще й дитиночка малая, / Іще й нєнька старєнькая. / Гей, іще й нєнька старєнькая, / Вона ж мені ріднєнькая. / Ой вони ж мене дожидають / Та чумачку проклїнають (Українські народні пісні...));

ПЬЯНСТВО: пьянство – {[ДОМ: отец-мать] ← [гуляньє] → [ШИНОК: сын-чумақ]}:

(Наливай, наливай, шинкарочко, / А я буду пить! / Ой є в мене отець-мати, / Викуплять мене! (Українські народні пісні...));

ОТРЕЧЕНИЕ ОТ РОДА, ЖЕНЫ – {[ДОМ: жена, дети] ← [разлука] → [сын-чумақ]}. В таких микроконтекстах актуализируется трагическая коннотация слова-символа калина (ассоциация с покинутой женщиной):

Зацвіла калина у лузі да попустила квіти, / Неодин чумақ кїда жінку і дрібнєнькі діти; В темнім лузі червона калина / Ісхилила віти: / Не один чумақ кїда свою жінку / І малєнькі діти (Закувала зозуленька...).

Народно-песенное субпространство транслирует негативное отношение матери к желанию

дочери выйти замуж за чумака ({[ДОМ: мать] → [запрет] → [дочь : чумака – сватанье]}):

«Ой піду я, моя мати, / Та за його [чумака]заміж; / Як ти мене та й не ддаси – / Дак я й умру зараз». / «Легше ж мені тебе, доню, / Дома поховати, / Аніж мені т за його / Заміж тебе дати» (Закувала зозуленька...).

Примечательна как семейно-бытовая, так и социально-бытовая песенная культура и обобщением отношений членов рода, связанных с тем, что в семье есть казак. Внешний портрет, как принято в народных песнях, ассоциативно-образный: казак отождествляется с барвинком, символом красоты, чистоты и молодости сына, с маком – по цвету обмундирования ({[казак: барвинок, мак] = [красота]}):

Козаченьку молоденький, / Барвіночку зелененький! / Ой не пий ти горілок, / Не люби чужих жінок – / Будеш як барвінок! (Українські народні пісні...)

Как и в предыдущих социально-бытовых народно-песенных контекстах, в казацких песнях проявляет себя концептуальная мотивация ОТЧУЖДЕНИЕ ({[казак] ↔ /кладка, мост/ ↔ [род]}). С ней связаны предметные символы моста, речки, кладки, которые разделяют род и казака (сына):

Ой у степен річка, через річку кладка: / Не покидай, козаченьку, рідненького батька! / Як батька покинеш, сам марно загинеш, / Річенькою бистренькою за Дунай заплинеш (Українські народні пісні...).

Выделенный концепт находится в корреляции с концептом «Отдания – проводов» ({[казак] ↔ /служба/ ↔ [род]}):

Ой хто сини має, то хлібом годуйте / Да до війська готуйте, / А хто їх не має, то ті наймайте / Да громаду заступайте! (Закувала зозуленька...).

В этом ритуале принимает участие вся семья (символ – вишневого сада), с каждой НР-фольклоремой связана акциональная символика: отец – дает совет, мать – готовит защиту-сорочку, брат – снаряжает коня, верного друга, сестра – готовит платочек как символ нежности и любви (в некоторых контекстах – также подает коня), ср.:

Ставлю коня в вишневому саду, / А сам піду к батьку на пораду. / (...) Моя нянька по кімнаті ходить, / На рученьках сороченьку носить: / (...) А мій братик по сімечках ходить, / На рученьках сиделечко носить (...) А моя сестра по двірочку ходить, / На рученьках хустиночку носить: / «На, братику, хусточку, не гайся, / Щоб ти з свого війська не зостався!» (Українські народні пісні...).

Одним из ведущих является и мотив РАССТАВЛЕНИЯ. В связи с этим в народно-песенных

контекстах актуализирован образ плача, слез (материнских), печали (жури) ({[казак] ↔ /служба/ ↔ /слезы, печаль/ ↔ [род]}):

А мій милий коня веде, / На ратище підпирається, / За ним, за ним стара мати / Слізочками умивається: / «Годі ж тобі, мій синочку, / На ратище підпиратися, / Ачей же я перестану / Слізочками умиватися...» (Закувала зозуленька...).

Наиболее близкий ассоциат самого образа казака – конь ‘верный друг’, ‘помощник’, который также выступает связующим звеном между служивым и его родом, к которому конь может донести и самого казака, и весть о нем, поклон ({[казак] ↔ /служба/ ↔ /конь/ ↔ [род]}):

Став козак до коня розмовляти: / «Бийся ти, коню, вибивайся, / До отця, до няньки поклоняйся. / До моєї жінки-удівоньки, / До моїх діточок-сиріточок, / До моїх братиків-порадників, / До моїх сестричок-жалібничок, / До моїх вороженьків-розлучників» (Закувала зозуленька...).

Через мотив разговора с конем, дороги в терниях трансформируется духовная связь с родом, семьей казака:

Ой а у полі, гей, терен, теренок, / Попід тереном та доріженька йде. / По доріженці, гей запорожець йде, / А коника отець-мати веде. / (...) «Тобі, мати, гей, та і не питать, / Тобі, мати, та й додому рушать...» (Українські народні пісні...).

Народно-песенный образ матери казака – это его оберег, основа духовного единства с родом ({[казак] ↔ /служба/ ↔ /мать/ ↔ [род]}):

Мати ж моя рідная, / Порадонько вірная! / Исправ мені три труби, / Да й усі три мідяні; / А четвертю трубу / Исправ мені золоту! (Закувала зозуленька...)

Предметным символом материнских слез в народнопесенных лирических контекстах является дождь, омывающий раны казака-воина:

Нещаслива годинька була, (...) / Ой не жалкуй, мійсину, на мене: / «Не дай боже пригоди на тебе; / Як ти будеш пострілян, порубан, / Ой хто ж тобі раноньки промиє?» / «В полі, мати, дрібен дощик іде, / Ой той мені раноньки промиє!» (Закувала зозуленька...);

а символом страдающей матери, ожидающей своего сына, – кукушка (зозуля):

Приблудився він [молодий козак] до гаю, / До дрібненького ручаю / І став коня напувати, / Стала зозуля кувати, / Став він зозулі питати: / «Зозуленько, моя нянько, / Скажи мені доріженьку, / Скажи мені слід-дорогу / До мого рідного роду!» (Українські народні пісні...).

Туча (синяя) – символ беды, грядущего несчастья, трудностей, которые переживает сын-казак,

родители же ассоциированы с соловьями, которые всегда готовы быстро прийти на помощь:

То ж не синяя хмарочка наступає, / Дрібний дощик накрапає, / Чорне море вітер-буря колихає, / Там турецький корабель розбиває, / Сорок тисяч козаченьків потопає (...) Як прилетів батенько соловейко: / «Діти ж мої, діти солов'ята! / А хто ж буде у садочку щебетати, / Мене, старенького, розважати!» / Як прилетіла матінка солов'їха: / «А хто ж буде у садочку щебетати, / Мене, стареньку, розважати!» (Українські народні пісні...).

Синтезирован словесный образ семьи-рода в ассоциативно сближенных номинациях *сад* и *зозуля* 'кукушка':

Сади мої, сади процвітали, / Та сади процвітали, рано опали, / А сива зозуля з садів вилітала, / Та синєє море вона поглядала (...) / А за сиву гривку козак ухопився. / «Бийся, коню, бийся, вибивайся! / На крут бережечок ой вигрібайся, / До отця, до неньки ой поспішайся! / Та не так же до неньки, як до дружиноньки, / Не так до дружини, як до дитини» (Закувала зозуленька...).

Растительная символика – это образная основа семьи казака: матери-отца как дуба и березы, опирающихся друг на друга:

Ой дуб на березу / Гіллям похилився, / А син своїй неньці / Низенько вклонився: / «Нене ж моя, нене, / Чом не жениш мене?» (Українські народні пісні...).

Максимально обобщен образ матери, переживающей за своих сынов-казаков. Его воплощает ассоциативно-образная связь *мать* = *Украина*:

Зажурилась Україна, бо нічим прожити, / Витоптала орда кінми маленькій діти, / Котрі молодії, у полон забрато (Закувала зозуленька...).

Кроме концептуальной мотивации ОТЧУЖДЕНИЕ, для казачьих песен характерна мотивация ВОЛЯ – НЕВОЛЯ, в определенной мере взаимодействующая с мотиватором СУДЬБА. Поскольку воины попадают в плен, они обращаются в молитвах, в душе к Фортуне:

Що узяли козаченька / В велику неволю; / Як узяли в неволенку, / Забили в кайдани (...) / Ударились вражі пани / Об поли руками: / «Деся у тебе, козаченьку, / Отець-мати жива, / А що тобі, молодому, / Фортуна служила...» (Українські народні пісні...).

В исследуемых текстах отмечаем и актуальность концептуального мотиватора СМЕРТЬ, ассоциатами которого являются пространственные, орнитологические, предметные символы *высокая могила, гора, землянка, сырая земля, темный лес, сивый голубь* (душа умершего), *белый снег, ворон, пугач* – предвестники смерти:

Не питай, ненько, що у військо пішов, / Що військо пішов, розуму дійшов, / Лиш питай, ненько, високою могили, / Високою могили, глибокою долини; За городом сніжок припав... / Їхав козак, з коня упав. / Накрив личко китайкою, / Білі ручки нагайкою (...) Мати вчула – сама вийшла. / «Ой ти, коню вороненький, / Де ж мій синок молоденький?»; ...За обом кін турецький, / На тім коню син козацький (...) / Летить ворон, сумно кричить, / Іде мати, ревно плаче, / Своім життям проклінає, / Свого сина не пізнає (Закувала зозуленька...).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, украинское народно-песенное субпространство по-своему дополняет представление о лингвокультурологическом концепте «род / родство». Основными направлениями концептуальной мотивации в данных текстах являются ОДИНОЧЕСТВО, ПАМЯТЬ, ВСТРЕЧА, РАЗГОВОР, БЛАГОСЛОВЛЕНИЕ, ПРОЩЕНИЕ, ЗАБОТА, ОТЧУЖДЕНИЕ, ВОЛЯ-НЕВОЛЯ, ОТРЕЧЕНИЕ, РАССТАВАНИЕ, СМЕРТЬ, СУДЬБА и некоторые другие. Большую роль при этом играют предметные (этнокультурные, народно-поэтические), растительные, орнитологические, зоологические слова-символы, реже – мифемы.

В народно-песенной социально-бытовой лирике функционирование НР-фольклором – это одна из ключевых особенностей, поскольку именно повседневная бытовая лингвокультура является средой сохранения и продолжения, воспроизведения тех или иных обрядовых действий, ритуалов. В них актуализируются вторичные номинации-оценки НР, а также названия действий и взаимодействий членов семьи в ритуально-обрядовых текстах как репрезентантах высокого стиля в народной культуре.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Українські народні пісні: пісні суспільно-побутові / Упоряд. О. М. Хмилевська. Київ: Музична Україна, 1967. 735 с. Далее в тексте будет указано: Українські народні пісні...

² Закувала зозуленька. Антологія української народної творчості: пісні, прислів'я, загадки, скороговки / Упоряд. Н. С. Шумада. Київ: Веселка, 1989. 606 с. Далее в тексте будет указано: Закувала зозуленька...

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. Гасанова Г. А., Набиева С. Г. Пареміологічні засоби вираження концепта «сім'я» в російській мовній картині світу // *Мир науки, культури, освіти*. 2019. № 3 (76). С. 445–446.
2. Голованова Е. И. Русский язык и традиционные ценности славянской культуры // *Известия ВГПУ. Гуманитарные науки*. 2015. № 1 (266). С. 153–155.
3. Костомаров Н. И. Славянская мифология. М.: Чарли, 1994. 688 с.
4. Кострубина Е. А. Типы концептов: гиперконцепт СЕМЬЯ–ДОМ // *Вестник Пермского университета*. 2010. № 6 (12). С. 51–57.
5. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // *Русская словесность: Антология*. М.: Academia, 1997. С. 28–37.
6. Никитина С. Е. Устная народная культура и языковое сознание. М.: Наука, 1993 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://philologos.narod.ru/nikitina/Contents_rus.htm (дата обращения 02.06.2019).
7. Николенко О. Ю. Лингвистическое изучение феномена родства // *Уральский филологический вестник*. 2012. № 3. С. 215–220.
8. Пименова М. В. Терминология когнитивной лингвистики: концептуальная система и концептуальная картина мира // *Термінологічний вісник*. 2013. Вип. 2 (1). С. 129–134.
9. Попова Л. Г., Головин А. С. О степени изученности лингвокультурного концепта «родство» в современном языкознании // *Вестник Бурятского государственного университета. Язык. Литература. Культура*. 2012. № 11. С. 98–100.
10. Потехина А. А. Символ и миф в народной культуре. М.: Лабиринт, 2000. 480 с.
11. Єрмоленко С. Я. Мовно-естетичні знаки української культури. Київ: Ін-т укр. мови НАН України, 2009. 352 с.
12. Жайворонок В. В. Антологія знаків української етнокультури: Словник-довідник. Київ: Наукова думка, 2018. 760 с.
13. Жайворонок В. В. Магія слова – обрядові мовні формули на етнокультурному тлі // *Мовознавство*. 2017. № 4. С. 49–58.
14. Жайворонок В. В. Мовні знаки української етнокультури в антропоцентричному висвітленні // *Мовознавство*. 2012. № 2. С. 58–64.
15. Кононенко В. І. Концепти українського дискурсу. Київ; Івано-Франківськ: Плай, 2004. 248 с.
16. Макарець Ю. С., Сліпчук О. М. Концепти *рід, родина, сім'я* в мовній картині світу українців // *Філологічні науки*. 2013. Кн. 1. С. 75–78.

Поступила в редакцію 07.02.2020

Zhanna V. Marfina, PhD in Philology, Lugansk State Pedagogical University (Lugansk, Lugansk People's Republic)
lib_inpu@ukr.net

CONCEPTUAL MOTIVATION OF KINSHIP TERMS IN THE UKRAINIAN FOLK SONG SUBSPACE

The research was carried out in the context of the current linguoculturological trend of modern linguistics. For the first time in East Slavic linguistics, the article presents a model of the conceptual analysis of the textual functions of kinship terms motivated by their lexical and grammatical connections in Ukrainian social and everyday song folklore. The linguoculturological content of the conceptual chains with core folkloremes (i. e. kinship terms) is modelled accordingly, taking into account the behaviour scenarios of a human being as a representative of their kin, determined by the specific socio-historical circumstances of certain categories, such as barge haulers, commercial carriers, wage workers, the Cossacks, etc. The analysis was based on the construction of conceptual chains, with a kinship term being a leading component. The said words (nouns, adjectives or verbs playing the role of predicates in the statements) helped to establish strong semantic relationships between the chains, which, after their decoding, expressed the axiological content of the statement as a whole. The words in question mainly determine the conceptual motivation of kinship terms in Ukrainian folk song texts. As a result of the study, it was observed that the conceptualization of the social motivation of relationships between a nuclear family members is reflected in the verbalizers of the concepts “alien-native”, “death-life”, “freedom-servitude”, “crying, tears”, “memory” and “parting-meeting”, with presentive, botanical and ornithological words-symbols playing a particular role. The principal conclusion is that while functioning in seasonal and family ritual folk songs kinship terms acquire the characteristics of folkloremes, and this is one of their key features. It is the everyday language culture that serves as a medium for preserving and continuing (reproducing) certain ritual actions

or rituals, which actualize the secondary evaluative nominations of kinship terms, as well as the names of actions and interactions of family members in ritual texts representing the high style in folk culture.

Keywords: kinship terms, folklore, word-symbol, folk song subspace, conceptual chain, conceptual motif

Cite this article as: Marfina Zh. V. Conceptual motivation of kinship terms in the Ukrainian folk song subspace. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020. Vol. 42. No 7. P. 36–44. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.537

REFERENCES

1. Gasanova G. A., Nabieva S. G. Paremiological means of expression of a concept “family” in the Russian language picture of the world. *The World of Science, Culture and Education*. 2019. No 3 (76). P. 445–446. (In Russ.)
2. Golovanova E. I. The Russian language and traditional values of Slavic culture. *Bulletin of Volgograd State Pedagogical University. Humanities*. 2015. No 1 (266). P. 153–155. (In Russ.)
3. Kostomarov N. I. Slavic mythology. Moscow, 1994. 688 p. (In Russ.)
4. Kostrubina E. A. Types of concepts: hyperconcept FAMILY-HOME. *Bulletin of Perm University*. 2010. No 6 (12). P. 51–57. (In Russ.)
5. Likhachev D. S. Concept sphere of the Russian language. *Russian literature: Anthology*. Moscow, 1997. P. 28–37. (In Russ.)
6. Nikitina S. E. Oral folk culture and language consciousness. Moscow, 1993. Available at: http://philologos.narod.ru/nikitina/Contents_rus.htm (accessed 02.06.2019). (In Russ.)
7. Nikolenko O. Yu. Linguistic studying of a phenomenon of relationship. *Ural Philological Bulletin*. 2012. No 3. P. 215–220. (In Russ.)
8. Pimenova M. V. Terminology of cognitive linguistics: conceptual system and conceptual picture of the world. *Terminologichnyi Visnyk*. 2013. Issue 2 (1). C. 129–134. (In Russ.)
9. Popova L. G., Golovin A. S. About degree of study the linguacultural concept “relationship” in the modern linguistics. *The Buryat State University Bulletin. Language. Literature. Culture*. 2012. No 11. P. 98–100. (In Russ.)
10. Potebnya A. A. Symbol and myth in popular culture. Moscow, 2000. 480 p. (In Russ.)
11. Єрмоленко С. Я. Мовно-естетичні знаки української культури. Київ, 2009. 352 с.
12. Жайворонок В. В. Антологія знаків української етнокультури: Словник-довідник. Київ, 2018. 760 с.
13. Жайворонок В. В. Магія слова – обрядові мовні формули на етнокультурному тлі. *Мовознавство*. 2017. № 4. С. 49–58.
14. Жайворонок В. В. Мовні знаки української етнокультури в антропоцентричному висвітленні. *Мовознавство*. 2012. № 2. С. 58–64.
15. Кононенко В. І. Концепти українського дискурсу. Київ, Івано-Франківськ, 2004. 248 с.
16. Макарець Ю. С., Сліпчук О. М. Концепти *рід, родина, сім'я* в мовній картині світу українців. *Філологічні науки*. 2013. Кн. 1. С. 75–78.

Received: 7 February, 2020